

КРЕСТЬЯНИН

Published on *KR-News.Ru* - Информационный портал Ростовской области (<https://www.krestianin.ru>)

[Главная](#) > «Зашли в мою клинику, разгромили ее, изуродовали надписями “Мы убьем тебя”»

30.12.2015 11:21



Что может заставить счастливую семью покинуть родной дом и переехать жить в другую страну? Оставить родственников и друзей, оставить всё, нажитое годами честной работы. Всё, кроме призрачной надежды снова вернуться. Война.

А.Н. и П.Н. (супруги пожелали оставаться неназванными) вместе с сыном и дочкой в течение четырех лет после начала вооруженного конфликта в Сирии оставались в родном Дамаске. Они давно привыкли к свисту пуль, к трупам и к ракетным снарядам. К виду солдат, к пустым улицам и блокпостам. Но именно 2015 год стал в их жизни переломным. Теперь семья живет в Ростове-на-Дону. И пока старший сын учится в университете в Москве, а младшая дочь пытается разобраться с русскими терминами в учебниках за 10-й класс, их родители ищут работу и стараются не погрязнуть в депрессии и местной бюрократии. В беседе с корреспондентом *kr-news.ru* **А.Н. и П.Н.** вспомнили опасные дамаскские будни и рассказали о своей жизни в Ростове.

«Все люди настроены так же категорично»

— Вооруженный конфликт в Сирии начался в марте 2011 года. Почему так долго, фактически 4 года, вы оставались там?

П.Н.: Если бы мне и моей семье не угрожала такая явная опасность, как сейчас, мы бы остались в Сирии. Я не умею ни стрелять, ни воевать. Но я бы продолжил работать и этим бы оказал сопротивление боевикам, этим отсталым людям, которые хотят нас вернуть на тысячи лет назад во времена пророка Мухаммеда. В том районе, где мы жили, остались в основном те, кто был “за” светское государство. По размеру он примерно как Батайск (только не отделен от Дамаска, как Батайск от Ростова). И к нам бежали все, кто разделял эти взгляды: сунниты, не-сунниты, в хиджабах и без них. Наш район считается одним из самых защищенных. И хотя он со всех сторон окружен боевиками и потому ежедневно обстреливается минами, въехать в него довольно трудно. Надо обязательно пройти серьезный блокпост: проверка удостоверения, всех документов, машины, наличие или отсутствие оружия и т.п.

А.Н.: Но и через него боевики пытались пробраться. Одну парочку в поясах шахида поймали прямо на въезде. Водителя, который отошел с солдатом для проверки, военные успели застрелить в голову прежде, чем он себя взорвал, а у второго духу не хватило выйти из машины. Он подорвал себя прямо там. Кроме него, никто не пострадал.

— Многие из ваших друзей так же, как и вы, уехали из Сирии?

П.Н.: Многие мои родственники и друзья, наоборот, остались. Мой 92-летний отец, ветеран Второй мировой войны (он участвовал в боях на стороне французской армии, так как Сирия тогда была колонией Франции), до сих пор там. При чем он живет в другом районе и категорически отказывается переезжать в более безопасное место. Например, в город Латакия, где находятся наши единомышленники. «Я всю жизнь здесь прожил, почему теперь я должен уступить каким-то там боевикам и уехать?» — возмущается отец. Он достал свой наградной пистолет и сказал, что будет защищаться. И все люди настроены так же категорич, как мой отец. Никто не хочет умирать просто так. Никто не собирается сдаваться. Все будут воевать до конца.



Вид на один из районов Дамаска во время обстрела

«Погибают ежедневно»

— Вы оставались, что называется, до последнего. Что стало этим “последним”?

П.Н.: Зашли в мою клинику, разгромили ее, изуродовали надписями “Мы убьем тебя” и тому подобными. Хотя я врач. Я за всю жизнь никогда не отказал ни одному больному. Более того, у меня всегда один раз в неделю был день бесплатного приема. Для всех людей без исключения. За один день — с 9 утра и до поздней ночи — я осматривал более 100 человек. Я никогда не вступал в партии, не давал никаких комментариев. Вообще не лез в политику. И еще у меня в клинике до последнего дня ее работы никто не интересовался, какой кто веры. Самое главное — вылечить человека! Пусть каждый сам разбирается со своим Богом.

А.Н.: Да вообще об этом не говорилось! Я 20 лет прожила в Сирии, и никогда никто ничего не говорил о религиозной принадлежности. Или национальной. Это считаю неприличным, неудобным. То же самое, что залезть другому в карман.

П.Н.: Но, к сожалению, я оказался кому-то неверным. Мне пришлось закрыть клинику в начале 2015 года, когда там уже разгромили и уничтожили все: и вывеску снаружи, и оборудование внутри. Это был мой личный “переломный момент”.

А.Н.: А потом в начале этого лета все стали говорить о том, что боевики готовят крупную атаку на наш район.

П.Н.: Да. Все наблюдатели звонили мне и говорили, что надо уходить из района как можно скорее. Но июнь в Сирии — это месяц, когда по всей стране девятиклассники пишут очень важные выпускные экзамены, без них невозможно продолжить дальше учебу. (В Сирии без Сертификата об окончании средней школы у детей нет права идти в 10 класс. — Прим. автора) В этом году их сдавала моя дочь.

Поэтому мы заранее собрали все сумки, и на второй день после экзаменов я отправил жену с дочкой в Россию.

А.Н.: Психологически наш район был давно готов к атаке. У нас был, так сказать, “хороший” пример... Совсем недалеко от нас есть пролетарский городок Адра, где живут рабочие с местных промышленных предприятий и их семьи. В последних числах декабря 2013-го, то есть ровно два года назад...

П.Н.: 24 декабря, это было на католическое Рождество.

А.Н.: Свыше тысячи вооруженных экстремистов из группировки "Джебхат ан-Нусра" напали на город. Они учинили там жутчайшую расправу: отрезали людям головы, а потом надевали их на ветки деревьев и колья заборов. Боевики выкладывали фотографии в Интернет с подписями “Вот вам елка, неверные”.



Во время захвата города Адра в 40 км от Дамаска

П.Н.: А почему ты не рассказываешь про тот случай с семьей инженера? Мужчина просто работал на местной фабрике. У него была жена и двое детей, мальчик и девочка. Когда боевики вошли в город, он понял, что его с сыном зарежут, а жену с дочкой угонят в рабство. Тогда он взял гранаты, собрал всех четверых вместе в гостиной их квартиры и взорвал свою семью. И нескольких боевиков с собой прихватил, когда они все-таки раздолбили дверь в квартиру.

А.Н.: Через год, когда город освободили, нашли их останки — они так и лежали все рядом — и захоронили. Погибают ежедневно... Племянница звонила недавно и рассказала: за один день, с 6 утра до 6 вечера, на район упало больше 200 снарядов, минометных и ракетных.

П.Н.: А несколько дней назад от снарядов погибли 8-летний мальчик и 12-летняя девочка, брат и сестра...

А.Н.: Такие снаряды всегда летят вслепую. Поэтому заведомо понятно, что их используют против мирного населения.

— Наверное, за четыре года у вас набралось много таких рассказов. От которых кровь стынет и слезы наворачиваются, и продолжать разговор тяжело... Это было самым сложным — понять, что эти истории стали повседневностью?

П.Н.: Нет, для меня самым сложным стал момент, когда опубликовали имя моей жены в Интернете. Это было в 2012 году. Какой-то незнакомый нам сириец, проживающий в США, разместил в социальных сетях прямую угрозу в адрес моей жены. Подробно написал, что она русская, указал наш адрес, график её работы, маршрут из дома в офис и обратно. С тех пор она всегда оставалась в квартире и работала оттуда.

А.Н.: А для меня самым страшным было даже не это. Много дикого было: нас обстреливали, я видела трупы, обгоревшие, необгоревшие, всякие... Но что интересно: за все эти четыре года я ни разу не плакала. И только один раз я действительно почувствовала, что у меня земля уходит из-под ног, — когда захватили Пальмиру (один из богатейших городов-оазисов древности, расположенный в Сирийской пустыни, между Дамаском и Евфратом. — Прим. автора). Тогда я расплакалась.



Руины древнего города Пальмира

«Нужно просто перестать мешать жить»

— Вас нельзя назвать де-юре беженцами, такого статуса у вас нет. Считаете ли вы, что он нужен?

П.Н.: Беженец-не беженец... Это индивидуально для каждой семьи. Индивидуально для каждого человека в зависимости от его характера. На мой взгляд, беженцы — это те люди, кто вынужденно бросил свой дом, свое имущество, свой город. Где бы это не произошло. Пусть я из Таганрога бежал в Ростов. Или из Луганска бежал в Ростов. Неважно. Я не совсем понимаю, почему Европа решила принимать всех беженцев у себя? На каком основании выделяют зарплату в 400 евро в месяц на каждого члена семьи? Какая цель в таком разбрасывании денег? Европейцы не делали бы этого так просто. Ни немцы, ни швейцарцы, ни норвежцы, ни датчане... Я не хочу, чтобы мне Россия выделяла какие-то дотации или платила деньги ежемесячно. Меня это не обрадует. Дайте только возможность зарабатывать. Руки-ноги есть, голова есть. Помощь не требуется. Нужно просто перестать мешать жить.

— Каким образом вам мешают?

П.Н.: Ну, вот сколько месяцев я уже нахожусь в Ростове? Около пяти? Все это время я постоянно занимаюсь документами. Уже замучился с этими бумажками. Я вообще не люблю принимать помощь. Всегда было наоборот: я сам оказывал её всем. Но сейчас я вынужден — точнее я с благодарностью — принимаю помощь от друзей и знакомых. Я чувствую, что сам не управлюсь. Очень многое изменилось здесь с 1993 года в худшую сторону. И хотя я приезжал в Ростов за этот период часто, я не улавливал эти перемены.

— Почему вы не уехали в Европу?

П.Н.: Ехать в Европу и жить на эти сосиски с рисом, которыми всех беженцев кормят три раза в день? Жить в таких условиях, когда все время будут смотреть, что я делаю, о чем я думаю? Я не хочу.

А.Н.: В Европе люди другие. Сирийский менталитет все-таки очень похож на русский.

П.Н.: Еще, наверное, мы просто любим Россию. Но честно говоря, не знаю, сколько сил осталось на жизнь здесь... Какие бы накопления не были большие, без работы они закончатся. Тем более, когда сам уже в том возрасте, когда хочется просто спокойно жить. Поэтому не знаю, на сколько еще меня здесь хватит. Переезд в Европу, если он состоится, — это будет не план Б, это будет сделка с совестью. Я этого не хочу.

— У вас была возможность остаться в Москве, но вы выбрали Ростов-на-Дону. Почему?

А.Н.: Потому что Ростов всё же ближе к Сирии, чем Москва. Потому что я родилась в этом городе, а муж учился в Ростовском медицинском институте. Потому что здесь живут наши родственники и самые близкие друзья.

П.Н.: Я прожил здесь в общей сложности 13 лет. Вся моя прекрасная студенческая молодость проходила здесь. Поэтому однозначно Ростов. Плюс мне кажется, что сейчас это наиболее безопасный город.

— Много ли еще сирийцев, которые так же, как и вы, приехали в Ростов из-за военного положения на родине?

П.Н.: В Ростове и Ростовской области проживает сейчас как минимум 15 семей из Сирии.

— Где жизнь дороже: в Ростове или в Дамаске?

А.Н.: В России намного дороже, конечно. В Сирии небольшая семья с двумя детьми может спокойно прожить на 500\$ в месяц. Даже кафе по выходным позволять себе. И сейчас, во время войны, точно так же.

П.Н.: Здесь же у нас минимальные месячные расходы с арендной платой за квартиру, коммунальные услуги, транспорт и продукты — не менее 100 тысяч рублей. Нам многого не хватает в Ростове, в том числе из одежды и личных вещей. Когда улетали, мы могли взять с собой лишь по 20 кг багажа на человека.



мечеть Омейядов в Дамаске, где хранится голова Иоанна Крестителя

— Были проблемы с поиском школы для дочери?

А.Н.: У меня такое ощущение, что как будто есть какая-то установка или директива сверху по поводу таких детей: оказание максимальной помощи. Не было никаких проволочек, никакой бюрократии. Никаких дополнительных документов не попросили. Лишь бы ребенок быстрее начал учиться. В этом

вопросе я действительно почувствовала поддержку. Я пошла в ту школу, в которой училась когда-то сама. Дочку записали на следующий же день. Я не ожидала такой оперативности. В школе учителя очень поддерживают, и я с ней занимаюсь (нет худа без добра: себе работу не нашла, зато дочке помогаю). Сначала ей, конечно, было тяжело. Но сейчас она уже привыкла, адаптировалась. Были только проблемы с терминологией по техническим предметам. Она как-то приходит из школы и спрашивает: “Мама, что такое «биссектриса»?” И я не знаю, как ей перевести это слово на арабский, хотя прекрасно говорю на этом языке. Геометрию в Сирии я не изучала, и биссектриса мне там в жизни, увы, ни разу не понадобилась.

«В Сирии едят намного больше хлеба, чем в России»

— Раз уж мы разговариваем в предпраздничное время, расскажите, как в Сирии отмечают Новый год и Рождество? Что можно увидеть на праздничном столе?

П.Н.: В Сирии и католики, и православные отмечают Рождество 25 декабря. Только армянская церковь и копты (неарабское коренное население Египта, исповедующее христианство. — Прим. автора) не согласись: они празднуют с 6 на 7 января. Поэтому обычно с 24 декабря в Сирии начинаются рождественско-новогодние гуляния. Но сейчас все отмечают тихо семьями. В первый же год войны, когда с марта по декабрь 2011-го уже было море крови, Православный Антиохийский патриархат принял решение о том, что все празднества отменяются. Они сводятся к религиозным обрядам. То же самое относится и к мусульманским праздникам.

А.Н.: Мы, конечно, всегда отмечали Новый год в семейном кругу. Обязательно с оливье, с селедкой под шубой. Стандартный набор. К нему только добавлялись некоторые блюда арабской кухни. В нашей семье вообще всегда очень смешанный стол. У нас и борщ всему голова, и холодец любим. В то же время готовим табуле, хумус, кеббе, долму.



Настоящая арабская долма, приготовленная хозяйкой А.Н.

— А едят ли сирийцы столько же хлеба, сколько и русские?

А.Н.: В Сирии едят намного больше хлеба, чем в России! Правда, в основном лаваш. Но в городах едят все виды: буханки, батоны, булочки. Причем это все собственная продукция!

— То есть пшеница выращена в Сирии?

П.Н.: Да. На самом деле, сельское хозяйство в Сирии было очень сильно развито. Раньше выращивали все! Кроме может быть ананасов и тропических фруктов. До начала всех событий, я думаю, минимум 50% урожая пшеницы экспортировалось в другие страны. Причем твердых сортов. И

хлопок экспортировали в больших количествах, а еще овощи и фрукты, особенно цитрусовые. Благодаря тому, что дожди в Сирии заканчиваются стабильно в апреле, пшеница и хлопок остаются чистыми. Нет проблем со сбором урожая из-за осадков. И хлеб, и хлопок вырастают очень высокого качества. Я точно знаю, что в Сирии выращивают сорта пшеницы, которые сохранились еще со времен Византии. Например, сорт “Хоран” (по названию земель, где он растет). Все очень боялись, что он будет утерян. Он не дает большого урожая, но качество великолепное! Как мне известно, меняют 5 кг обычной пшеницы на 1 кг хорана.

А.Н.: Сейчас, к сожалению, большинство территорий, где занимались выращиванием хлопка, перешли под контроль “Исламского государства” (запрещенной в России террористической организации). Это северо-восточная часть страны. Говорят даже, что этот ворованный хлопок приносит боевикам большие доходы (наряду с продажей нефти).

П.Н.: Еще одна известная сирийская агрокультура — это черешня. Неповторимо вкусная! Она растет у нас в горах, где снег полностью покрывает деревья и они хорошенько промерзают. Поэтому потом на них плоды вырастают как мандарины по размеру. И это все, конечно, без всяких ГМО.

А.Н.: Да все такое! Картошка, например. Три штуки и уже килограмм. Чистая, кожица аж блестит. Я не знаю, как наши крестьяне этого добиваются. Моют они, что ли, каждую?! Этим людям нужно ставить памятники. С таким трудолюбием они обрабатывают свои земли. Каждый участок. Это видно невооруженным глазом.



Мандариновое дерево

— А как изменилась ситуация из-за военных действия?

А.Н.: Крестьяне вынуждены обрабатывать новые земли. Сеять там, где не сеяли, где не идут бои. Например, территории между Дамаском и аэропортом. Это всегда были фруктовые сады и питомники. Весной я заметила, что вдоль тридцатикилометровой трассы все усеяно пшеницей. Прямо между фруктовыми деревьями. Это красиво выглядит, но обидно все-таки, когда понимаешь, что было причиной выращивания такого необычного поля.

П.Н.: Кстати, о необычном: вы знали, что Дамаск еще называют городом жасмина? Я очень люблю Ростов, но все же хочется, чтобы в Сирии восстановился мир и мы бы могли спокойно вернуться в родной Дамаск. Я бы снова прогулялся по старым улицам этого древнейшего города, вдохнул запах тысячелетий и почувствовал чудесный аромат цветущего жасмина.



Жасмин

Фото: П.Н., [google.com](https://www.google.com)

Выразить свое отношение:

Вверх	вниз
50%	50%

Информация об авторе



Анна Гетманова [1]

Специальный корреспондент сайта KR-News.Ru artgetmanova@gmail.com

Источник: <https://www.krestianin.ru/news/57120-zashli-v-moyu-kliniku-razgromili-ee-izurodovali-nadpisyami-my-ubem-tebya>

Ссылки

[1] <https://www.krestianin.ru/authors/43543.php>

[2] <https://www.krestianin.ru/articles/60479-v-rokb-nachala-rabotu-novaya-hirurgicheskaya-kafedra-rostgmu>

[3] <https://www.krestianin.ru/articles/60476-izdatelskiy-dom-krestyanin-prodolzhaet-rabotu>

[4] <https://www.krestianin.ru/articles/60474-delay-chto-dolzhno>

[5] <https://www.krestianin.ru/articles/60471-my-delali-vse-eti-tridcat-let-vazhnoe-delo-dlya-razvitiya-sela>